

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2024. Том 28, № 1
ЧЕХОВСКИЕ СТРАНИЦЫ

Научная статья
УДК 81'373
ББК 80/84
DOI 10.18522/1995-0640-2024-1-47-57

СПОСОБЫ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ НЕВЕРБАЛЬНЫХ КОМПОНЕНТОВ ОБЩЕНИЯ В ПОВЕСТИ А. П. ЧЕХОВА «СТЕПЬ»

Наталья Валерьяновна Изотова, Елизавета Романовна Скрыпник

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Диалогический фрагмент текста является частью художественного прозаического произведения, в котором реплики (персонажная речь) и ремарки (авторская речь) представляют общение персонажей. Диалог персонажей включает описание невербальных компонентов, приближающих диалог художественный к диалогу естественному, поскольку в устном общении всегда есть невербальные компоненты. Проанализированы способы введения невербальных компонентов общения персонажей. Ремарки, сопровождающие реплики персонажей, занимают разное место по отношению к реплике персонажа. Невербальные компоненты чаще включены в интерпозитивные и постпозитивные ремарки и располагаются после обязательного для структуры ремарки глагола со значением процесса говорения. Невербальные компоненты выражены глаголами, деепричастиями, глагольными и именными словосочетаниями. Ремарочные части диалогического фрагмента текста представляют сопровождающие речь персонажей эмоциональные состояния и чувства (смех, плач, удивление, радость, сухость, презрение). В повести описание невербальных компонентов, сопровождающих речь персонажей, можно соотнести с авторской характеристикой персонажа вне общения, что способствует созданию его целостного образа.

Ключевые слова: *диалогический фрагмент текста, реплика, ремарка, невербальные компоненты, образы персонажей*

Для цитирования: *Изотова Н. В., Скрыпник Е. Р. Способы репрезентации невербальных компонентов общения в повести А. П. Чехова «Степь» // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2024. Т. 28, № 1. С. 47–57.*

Original article

MEANS OF REPRESENTATION OF NON-VERBAL COMPONENTS OF COMMUNICATION IN THE A.P. CHEKHOV'S STORY "STEPPE"

Natalya V. Izotova, Elizaveta R. Skrypnik

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. The dialogical fragment of text is a part of prose fiction, where responses (characters' speech) and remarks (author's speech) represent the communication between characters. The charac-

ters' dialogue may include the description of nonverbal components that make fictional dialogue closer to the natural one due to the constant presence of nonverbal components in the oral communication. In this article the ways of including the nonverbal components of characters' communication have been analyzed. The remarks accompanying the characters' words may be placed in the different parts of dialogue according to the characters' responds. The nonverbal components are more often included in the interpositive and postpositive remarks and are located after the verb with the meaning of the speaking process which is obligatory for the structure of the remark. The verbs, gerunds, verb and noun phrases represent the nonverbal components in the text. The remarks that accompany the characters' speech of the dialogical fragments of text represent the characters' emotional state and feelings (laughter, crying, wonder, joy, dryness, contempt). In the work the description of the nonverbal components that accompany the characters' speech may be correlated with the author's description of the character out of the communication. It contributes to the creation of the holistic artistic images.

Key words: *dialogical fragment of text, response, remark, nonverbal components, images of characters*

For citation: *Izotova N.V., Skrypnik E.R. Means of representation of non-verbal components of communication in the A.P. Chekhov's story "Steppe" // Proceedings of Southern Federal University. Philology. 2024. Vol. 28, № 1. P. 47–57.*

Введение

Художественная литература представляет вымышленный мир, в котором автор произведения с помощью слова создает действительность, похожую на реальный мир. Воображаемая реальность может рассматриваться как специальная область знаний, формирующая в том числе и объективированные сведения о возможном реальном мире, поскольку содержащаяся в произведении информация позволяет автору фиксировать человеческую жизнь во всем ее многообразии, а исследователю художественного текста – изучать способы вербализации мира писателем [Крылов, Митрофанова, 2008]. Человеческую жизнь невозможно представить без общения, в связи с чем в художественном произведении в персонажную зону включены диалогические структуры, которые формируют модель общения персонажей, с одной стороны, похожую на устное общение людей, с другой – отличающуюся от модели устного диалога созданием общения персонажей с помощью письменной фиксации. Анализ формирования модели естественного общения в художественном произведении посвящено большое количество исследований, в которых проводится аналогия с живой разговорной речью и ее формами и отмечается как естественность модели диалога в тексте произведения, так и ее трансформация [Арутюнова, 2010; Ляпон, 2012; Матвеева, 2018; Шведова, 2003; Эпштейн, 2016]. Анализируются модели диалога, созданные с помощью разных форм чужой речи в прозаических произведениях, специфика сочетаемости авторской речи и речи персонажей, особенности ввода речи персонажей и приемы создания целостного фрагмента речевой действительности [Милых, 1958, 1975; Кожевникова, 1971; Полищук, Сиротинина, 1979; Мечковская, 2000; Изотова, 2006; Рябцева, 2010; Кукуева, 2019].

В естественном общении информация передается с помощью не только разговорной речи, которая имеет звуковое воплощение, что является одним из паралингвистических средств (тон, тембр и др.), но и других невербальных компонентов, как правило, дополняющих вербальное общение, но в некоторых случаях заменяющих вербальный компонент. Изучением значения и роли невербальных компонентов в общении занимаются ученые разных гуманитарных наук: психологии, конфликтологии, социологии [Лабунская, 1986; Пиз, 2007; Крейдлин, Аркадьев, Летучий, 2008; Крейдлин, 2010; Горелов, 2023;

Цыбуля, 2020]. В филологических исследованиях обращается внимание на то, какие именно невербальные компоненты вводятся писателями для создания естественности диалога персонажей, как они формируют в сознании читателя целостную ситуацию общения персонажей и участвуют в представлении их характерных личностных черт [Шелгунова, 1979; Мишин, 2005; Шмелев, 2007; Хроленко, 2020].

В пространстве художественного текста диалогическое общение персонажей создается разными речевыми планами, которые соединены в диалогический фрагмент, под которым понимается «определенным образом структурированное сочетание персонажного и авторского речевых планов, в совокупности представляющих диалогическое общение персонажей художественного произведения» [Изотова, 2006, с. 63]. Персонажный речевой план может иметь вводный компонент, представленный авторским речевым планом, в котором дана необходимая информация о процессе произнесения персонажем высказывания (реплики). Вводный компонент, который называется ремарочной частью диалогического фрагмента текста, ремаркой, – это слова автора, «непосредственно вводящие и комментирующие прямую речь, образующие вместе с нею сложные синтаксические конструкции со взаимозависимыми составными частями» [Милых, 1958, с. 58]. Ремарочная часть может содержать не только наименование персонажа и глагола со значением процесса говорения, что является необходимой информацией для обозначения диалогического общения, но и другие компоненты, в том числе невербальные, расширяющие представление о процессе коммуникации.

Цель статьи – анализ способов введения невербальных компонентов общения в диалогический фрагмент текста в повести А. П. Чехова «Степь», описание ремарочных частей с точки зрения структуры и семантики, их корреляция с авторскими частями текста, включающими информацию о невербальном поведении персонажей вне общения.

Методы исследования: метод контекстного анализа фрагмента текста, статистический анализ, семантический и структурный анализ языковых единиц.

Исследование и его результаты

В повести А. П. Чехова «Степь» [Чехов, 1977, с. 13–104] насчитывается 429 произнесенных персонажами реплик, 322 из которых сопровождаются ремарками (ремарочными частями), структурно занимающими разное положение по отношению к репликам персонажей: препозитивными (расположенными перед репликами) являются 62 ремарки, интерпозитивными – 135, постпозитивными – 125.

Ремарки могут быть простыми, имеющими в своей структуре только наименование персонажа и глагола со значением процесса говорения, или сложными, содержащими дополнительную информацию, необходимую для представления полноценности диалогического общения.

Невербальные компоненты, сопровождающие речь персонажей, включены в основном в интерпозитивные и постпозитивные ремарки. Препозитивные ремарки являются сложными по структуре, содержат информацию о разных действиях персонажа, его поведении при подготовке к реплике, включая невербальные компоненты. В препозитивной ремарке глагол говорения находится в конце ремарочной части, непосредственно вводя последующую реплику персонажа. В интерпозитивных и постпозитивных ремарочных частях глагол говорения и обозначение говорящего персонажа располагаются

после первой части реплики персонажа в связи с необходимостью обозначения процесса говорения и субъекта говорения после начала общения. Интерпозитивные и постпозитивные ремарочные части также наполнены дополнительной к обозначению процесса говорения информацией о персонаже. Невербальные компоненты могут быть введены различными способами: глаголами со значением невербального действия, одиночными деепричастиями, деепричастными оборотами.

Анализ диалогических фрагментов текста в повести «Степь» позволяет сформировать представление о моделях коммуникативного поведения персонажей, определить невербальные компоненты, характеризующие разных персонажей, что делает возможным выявление и описание личностных констант основных персонажей повести: мальчика Егорушки; его дяди, Ивана Ивановича Кузьмичова; о. Христофора, священнослужителя, едущего продавать шерсть; Мойсея Мойсеича, хозяина постоялого двора; подводчика Пантелея Холодова.

Егорушка – главный персонаж повести. Под присмотром Ивана Ивановича и о. Христофора мальчика везут в другой город поступать в гимназию. Ребенок покидает привычное ему пространство и знакомится во время путешествия с новым пространством – степью, ее природой и обитателями. В авторские описания невербального поведения Егорушки включены глаголы со значением видения как способа познания и восприятия мира, выражающие разную степень проявления действия: «взглянул» (с. 14), «всматривался» (с. 14), «оглянулся» (с. 15), «поглядел» (с. 24), «успел разглядеть» (с. 42). Егорушка редко выступает в роли инициатора общения, но в случае, если мальчик начинает беседу, все его реплики являются вопросительными и вводятся обычно глаголом «спрашивать», что свидетельствует о его интересе к новым предметам, явлениям, людям.

Однако чаще Егорушка продолжает диалог, а не начинает его. Ответные реплики мальчика обычно неразвернутые, предоставляют информацию фактологического характера. В первой части повести авторские описания внутреннего состояния Егорушки представлены до начала общения.

«Он чувствовал себя несчастным человеком и хотел плакать» (с. 14).

«Егорушка в последний раз оглянулся на город, припал лицом к локтю Дениски и горько заплакал...» (с. 15).

Эмоциональное состояние Егорушки представлено и в постпозитивных ремарках, вводящих его реплики и включающих глаголы или глагольные формы, обозначающие физическое действие – плач. Это личностная константа персонажа. Слезами ребенок прощается с привычным укладом жизни. В фольклорно-мифологическом понимании плач рассматривается как часть обряда оплакивания. М. Ч. Ларионова указывает, что «степь – это пространство “перехода”», в ходе путешествия по которому «границы мира расширяются, сдвигаются», происходит преодоление границ [Ларионова, 2017, с. 77]. Егорушка находится на границе не только пространственной, но и возрастной: ребенок переходит из детского возраста в юношеский. Обряд оплакивания необходим, чтобы этот переход произошел удачно. Егорушка плачет на протяжении всего путешествия: он прощается со старой жизнью и готовится вступить в новую.

Плач Егорушки в авторских комментариях, предшествующих общению или включенных в ремарки к репликам персонажа, может быть представлен по-разному. Семантика и степень выраженности плача варьируются в зависи-

мости от собеседника и обстоятельств коммуникации. Первый диалог в повести – это диалог Ивана Ивановича Кузьмичова и Егорушки.

«– Хочешь вернуться? – спросил Кузьмичов.

– Хо... хоч... – ответил Егорушка, всхлипывая» (с. 15).

При общении с дядей Егорушка сдержан в проявлении эмоций: мальчик плачет, но не в полную силу, что представлено не глаголом, а деепричастием *«всхлипывая»*, дополняющим глагол *«ответить»*, которым вводится реплика-реакция, и обозначающим произвольные судорожные вздохи при плаче.

В диалогах с о. Христофором ребенок, наоборот, эмоционально открыт, он не боится плакать при старике.

«Придумывая, на что бы такое пожаловаться, Егорушка припал лбом к стене и вдруг зарыдал.

– Вот-те на! – повторил о. Христофор» (с. 94).

«Егорушка поцеловал ему руку и заплакал» (с. 104).

Общение с Дымовым, обозчиком, который обидел Егорушку, задает иную семантику невербального компонента: плач перетекает в истерику.

«Слезы брызнули у него из глаз... <...> Лежа на тюке и плача, он дергал руками и ногами» (с. 83).

Егорушка плачет, когда во время грозы ему видятся великаны и он от страха просит помощи у сопровождающего его подводчика Пантелея (*«крикнул ему Егорушка, плача»* (с. 87)).

Иван Иванович Кузьмичов едет продавать шерсть и одновременно выполняет поручение сестры по определению мальчика в гимназию. Кузьмичов осуществляет функцию перевозчика, передающего из рук в руки товар, и в том числе устраивающего дальнейшее существование Егорушки.

Ремарки, сопровождающие реплики персонажа, состоят в основном только из двух обязательных элементов – имени или местоимения, указывающих субъекта речи, и глагола, обозначающего процесс произнесения реплики: *«сказал Кузьмичов»* (7: с. 15, 33, 36, 44, 94, 99, 103), *«ответил Кузьмичов»* (2: с. 34, 41), *«спросил Кузьмичов»* (5: с. 15, 18, 19, 32, 100). Кузьмичов одинаково безэмоционален в диалогах с Егорушкой, о. Христофором, Мойсеем Мойсеевичем – все собеседники разного возраста: ребенок, старик, взрослый мужчина. Сдержанность и сухость Ивана Ивановича подчеркивается в том числе простыми по структуре постпозитивными ремарками, содержащими два необходимых для обозначения процесса речи элемента.

Не все реплики Кузьмичова вводятся ремарками: 18 реплик из 61 не сопровождаются авторским комментарием, что логично для модели художественного диалога, поскольку читатель понимает по графическому представлению речи двух персонажей, кому принадлежит реплика.

Ремарки 20 реплик Кузьмичова представлены глаголами говорения с нейтральным значением, указывающими на процесс произнесения слов (*«сказал»*, *«спросил»*, *«ответил»*, *«говорил»*, *«повторил»*, *«заметил»*, *«согласился»*, *«обратился»* и др.). Ремарки в 23 случаях реализуются структурами более сложными по значению (глаголы без дополнительного компонента, обозначающие звучность речи: *«закричал»*, *«крикнул»*, *«шептал»*, *«бормотал»* и др.) и форме (словосочетания с указанием фонационной характеристики: *«громко говорил»*, *«живо сказал»*, *«повторил шепотом»* и мимического движения: *«насмешливо улыбнулся»*, *«заговорил встревоженно»*).

Структура авторского комментария к репликам Кузьмичова осложняется в определенных жизненных ситуациях: при общении с Соломоном, в период болезни Егорушки, в эпизодах, связанных с делом – торговлей шерстью. Внутреннее беспокойство, тревога включены в ремарки к репликам персонажа описанием взгляда («Он <...> *беспокойно поглядел вдаль*» (с. 27), «*почти с ненавистью глядел на него*» (с. 28)), тона голоса («*вздыхнул*» (с. 22), «*заговорил он встревоженно*» (с. 27), «*сказал укоризненно*» (с. 28)), телодвижений («*Он быстро поднял голову*» (с. 27), «*нетерпеливо пожимал плечами*» (с. 28)). Иван Иванович, несмотря на деловитость и сухость, волнуется не только по поводу торговли шерстью. При общении с Егорушкой во время его болезни привычная сдержанность персонажа сменяется волнением, смущенностью, что обозначено в ремарках глаголами и наречиями: «*смущенно крикнул*» (с. 95), «*сказал смущенно*» (с. 95), «*вздыхнул*» (с. 95). В сцене прощания с племянником Кузьмичов также переживает, на что указывает фонационная характеристика голоса персонажа, сопровождающаяся авторским объяснением смысла жеста: «*сказал Иван Иванович таким голосом, как будто в зале был покойник*» (с. 104). Для текстового объяснения смысла жеста А. Т. Хроленко ввел термин «парасемема» [Хроленко, 2020, с. 125]. Парасемема уточняет в представлении читателя значение невербального компонента с помощью авторского комментирования.

Продавать шерсть Кузьмичов едет с о. Христофором – священнослужителем, настоятелем Н-ской Николаевской церкви, хранителем и духовным наставником Егорушки.

Ремарки к репликам персонажа состоят более чем из двух обязательных элементов. Большинство лексем, включенных в авторскую ремарку, обозначают фонационную характеристику: четкость речи («*забормотал скороговоркой*» (с. 15), «*забормотал*» (с. 28)), звучность голоса («*сказал вполголоса*» (с. 21), «*пропел*» (с. 94), «*шептал он*» (с. 96), «*зашептал еще тише*» (с. 99)). В препозитивные ремарочные части до глагола со значением процесса говорения могут быть включены не только паралингвистические компоненты, а также глаголы и глагольные словосочетания, обозначающие мимические движения, ментальные состояния («*О. Христофор зажмурил глаза, подумал и сказал вполголоса*» (с. 21)). О. Христофор в поездке не пренебрегает церковными традициями: читает кафизмы, крестится. Описание молитвенных жестов представлено в том числе в ремарочных частях: «*о. Христофор после каждой “славы” втягивал в себя воздух, быстро крестился и намеренно громко, чтоб другие крестились, говорил трижды: “Аллилуя, аллилуя, аллилуя, слава тебе, боже!”*» (с. 28), «*спрашивал он, зевая и крестя рот*» (с. 39).

Постоянная невербальная характеристика коммуникативного поведения о. Христофора, его личностная константа – улыбка, смех («*засмеялся от умиления*» (с. 22), «*сказал с улыбкой*» (с. 41), «*повторил о. Христофор, хохоча*» (с. 36), «*захохотал судорожно*» (с. 36), «*выговорил он сквозь смех*» (с. 36)). В ремарочных частях диалогического фрагмента текста способность о. Христофора смеяться и улыбаться представлена разными частями речи, словосочетаниями, распространяющими глаголы со значением говорения. Смех является выражением внутреннего состояния о. Христофора и вербализирует испытываемое персонажем положительное чувство по отношению к окружающим и миру. Вне зависимости от собеседника реплики о. Христофора по содержанию всегда добродушны, назидательны, в чем проявляется главная задача священника – любить человека. Мироощущение о. Христофора, свя-

занное с его способностью радоваться, удивляться, представлено в авторском речевом плане до начала общения о. Христофора в повести описанием особенностей его улыбки («улыбка захватывала даже поля цилиндра» (с. 13)).

Егорушка знакомится также с Мойсеем Мойсеичем, хозяином постоялого двора, где останавливаются путешественники. Мойсей Мойсеич – самый эмоциональный персонаж повести, на что указывает не только содержательный план произведения, но и формальный: структура ремарочной части к репликам персонажа всегда расширена, включает не только обязательные элементы (глагол говорения и наименование персонажа), но и описание эмоционального ситуативного поведения, часто предшествующего общению или сопровождающего его.

«Мойсей Мойсеич, узнав приехавших, сначала замер от наплыва чувств, потом всплеснул руками и простонал» (с. 30).

«– Ах, боже мой, боже мой! – заговорил он тонким певучим голосом, задышавшись, суетясь и своими телодвижениями мешая пассажирам вылезти из брички» (с. 30).

Мойсей Мойсеич произносит 25 реплик, из которых только четыре не сопровождаются ремарочными частями, содержащими невербальные компоненты.

Реплики персонажа сопровождаются также ремарками, в которые включена парасема, компонент, интерпретирующий коммуникативное поведение Мойсея Мойсеича: «сказал <...> таким тоном, как будто боялся, что тот ему не поверит» (с. 31), «Мойсей Мойсеич, <...> пожимаясь так, как будто он только что выскочил из холодной воды в тепло» (с. 33).

Ремарки в диалогах и компоненты диалогической ситуации, содержащие описание невербального поведения персонажа, представляют широкий спектр эмоций Мойсея Мойсеича по отношению к собеседникам и окружающему миру: «ужаснулся Мойсей Мойсеич, всплескивая руками» (с. 32), «взвизгнул» (с. 32), «Он <...> заговорил в почтительно-шутливом тоне» (с. 34), «вздохнул Мойсей Мойсеич, и на его бледном лице нервно задрожала кожа» (с. 38). Эмоции персонажа искусственные, на что указывает расширенная структура ремарки: Мойсей Мойсеич восторженно реагирует на любую ситуацию, регулируя в зависимости от собеседника мимику, тон голоса, телодвижения. Активное движение руками, различный тембр речи, натянутая улыбка формируют образ заискивающего, угодливого человека.

После остановки на постоялом дворе Кузьмичов и о. Христофор оставляют Егорушку на некоторое время с подводчиками и просят одного из них, Пантелея Холодова, присмотреть за мальчиком. Полусонного Егорушку пересяживают на подводу, управляемую Пантелеем, который становится на время не только его физическим хранителем, но и человеком, через которого мальчик продолжает познавать пространство степи, где происходит много событий.

Пантелей первым начинает общение с мальчиком. В его реплики включены вопросы о происхождении, конечном месте направления и имени. Пантелей является инициатором общения, но вместо помощи собеседнику в продуцировании ответов он нарушает логику диалога, начиная вспоминать что-то свое, неизвестное и непонятное мальчику. По объему реплики Пантелея больше реплик мальчика. На одно слово Егорушки подводчик отвечает развернутым, не всегда логически связным рассказом о своей жизни.

Первый диалог между персонажами содержит подробные описательные авторские комментарии, в которых представлена характеристика голоса Пан-

телея («говорил так, как будто было очень холодно, с расстановками и не раскрывая как следует рта» (с. 49), «говорил он вяло, себе под нос, не повышая и не понижая голоса» (с. 51)).

В ремарках к репликам Пантелея Холодова содержится постоянное указание на нечеткость речи, что представлено глаголом говорения «бормотать» («бормотал и, по-видимому, не заботился о том, слышит его Егорушка или нет» (с. 51), «покойно забормотал» (с. 52), «бормотал он» (с. 66), «бормотал Пантелей» (с. 81)). Кроме обозначения качества произношения, в семантике лексемы «бормотать» есть и указание на неясность и звучность речи: «говорить тихо и невнятно» [Большой толковый словарь русского языка, 2004, с. 91].

Пантелею свойственно в некоторых случаях повышение голоса, обусловленное внешними причинами: большим расстоянием между собеседниками («кричал им с берега Пантелей» (с. 59, 80)) и погодными условиями, грозой в степи («ответил громко и нараспев Пантелей» (с. 85)). Фонационный компонент сопровождается движениями тела: во время общения, чтобы согреться, Пантелей «хлопал себя по бедрам» (с. 65), «притопывал ногами» (с. 65).

В портрет персонажа включено описание выражения лица Пантелея: «строгое, сухое выражение, какое бывает у людей, привыкших думать всегда о серьезном и в одиночку» (с. 49). Эта деталь объясняет, почему подводчик именно таким образом ведет беседу: он отвык от общения, ему сложно логично выстраивать речь. Невербальные компоненты, включенные в ремарки к репликам персонажа, заданы во многом описанием внешнего облика Пантелея, которого автор представляет старым, худым человеком, со строгим выражением лица, не улыбающимся.

В повести речь других персонажей также сопровождается характерными для их мироощущения невербальными компонентами. Соломон, брат Мойсея Мойсеича, при знакомстве с о. Христофором и Кузьмичовым и в диалоге с ними постоянно «странно улыбается» (с. 31, 32), «насмешливо» смотрит на них (с. 40), на его лице возникает «презрительная улыбка» (с. 40), что свидетельствует об отношении Соломона к собеседникам и к мироустройству, о чем он говорит, отвечая о. Христофору и Кузьмичову на вопросы о своей жизни и высказывая собственное мнение о происходящем в жизни других.

Константин Звонька, встреченный подводчиками в степи, рассказывает им о своей счастливой, по его мнению, жизни, о любви к жене и тоске по ней. До начала общения с подводчиками автор дает характеристику Константину, обращая внимание на его улыбку.

«...Все при первом взгляде на него увидели прежде всего не лицо, не одежду, а улыбку. Это была улыбка необыкновенно добрая, широкая и мягкая, как у разбуженного ребенка, одна из тех заразительных улыбок, на которые трудно не ответить тоже улыбкой» (с. 74).

Реплики Звоньки вводятся ремарками, в которых глаголы с нейтральным значением дополняются глаголами «засмеяться», «улыбнуться», словосочетанием «веселым смехом» (с. 74, 75, 77), что способствует созданию образа счастливого человека.

Заключение

В повести А. П. Чехова «Степь» в диалогических фрагментах текста создается полноценное общение персонажей с точки зрения проекции на устное общение в реальности, что создается не только представлением прямой речи персонажей в репликационной части фрагмента, но и наполнением ремароч-

ной части невербальными компонентами. Невербальные компоненты сопровождают процессы произнесения реплик, обозначенные глаголом со значением говорения, располагаясь перед ним в препозитивной ремарке или после него в интерпозитивной и постпозитивной ремарках. Невербальные компоненты могут быть выражены глаголами, деепричастиями, глагольными и именными словосочетаниями. Персонажи в повести плачут, смеются, удивляются, насмехаются, радуются, боятся, т. е. испытывают разнообразные в зависимости от ситуации эмоции и чувства, что находит отражение в ремарочной части диалогического фрагмента текста с помощью представления невербальных компонентов. Невербальные компоненты дополняют образ персонажа, который создается в пространстве произведения. Диалогический фрагмент текста позволяет читателю полноценно воспринимать ситуацию общения и интерпретировать образы участников коммуникации.

Список источников

Арутюнова Н. Д. Слово о диалоге // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2010. С. 3–9.

Большой толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2004. 1536 с.

Горелов И. Н. Невербальные компоненты коммуникации. М.: URSS, 2023. 112 с.

Изотова Н. В. Диалогическая коммуникация в языке художественной прозы А. П. Чехова. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 246 с.

Кожевникова Кв. Спонтанная устная речь в эпической прозе. Praha: Univ. Karlova, 1971. 165 с.

Крейдлин Г. Е. Механизмы взаимодействия невербальных и вербальных единиц в диалоге // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2010. С. 173–183.

Крейдлин Г. Е., Аркадьев П. М., Летучий А. Б. Сравнительный анализ вербальных и невербальных знаковых кодов // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст : сб. ст. в честь Е. В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 439–449.

Крылов С. А., Митрофанова О. А. Текст о воображаемом мире как косвенный источник сведений о реальном мире // Логический анализ языка. Между ложью и фантазией / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2008. С. 451–455.

Кукуева Г. В. Комплексные приемы диалогичности в авторской речи рассказов-очерков В. М. Шукшина // Научный диалог. 2019. № 2. С. 92–104.

Лабунская В. А. Невербальное поведение: социально-перцептивный подход. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1986. 136 с.

Ларионова М. Ч. Повесть А. П. Чехова «Степь» в аспекте традиционной культуры // Десять шагов по «Степи» / под ред. В. К. Зубаревой, М. Ч. Ларионовой. Idyllwild: Charles Schlacks, Jr., 2017. С. 74–91.

Ляпон М. В. Стратегия переадресации // Логический анализ языка. Адресация дискурса / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2012. С. 303–315.

Матвеева Т. В. О методе выявления ценностной информации разговорного диалога // Научный диалог. 2018. № 10. С. 89–101.

Мечковская Н. Б. Метаязыковые глаголы в исторической перспективе: образы речи в наивной языковой картине мира // Язык о языке : сб. ст. / под общ. рук. и ред. Н. Д. Арутюновой. М.: Языки славянской культуры, 2000. С. 363–380.

Милых М. К. Конструкции с косвенной речью в современном русском языке. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 1975. 212 с.

Милых М. К. Прямая речь в художественной прозе. Ростов н/Д: Ростовское книжное изд-во, 1958. 240 с.

Мишин А. В. Невербальные средства коммуникации и их отражение в художественном тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2005. 20 с.

- Пиз А. Язык телодвижений: как читать мысли окружающих по их жестам. М., 2007. 267 с.
- Полищук Г. Г., Сиротинина О. Б. Разговорная речь и художественный диалог // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979. С. 188–199.
- Рябцева Н. К. Метаязык речевого общения // Логический анализ языка. Моно-, диа-, полилог в разных языках и культурах / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2010. С. 374–389.
- Хроленко А. Т. Параязык в художественной прозе // Русская речь. 2020. № 6. С. 117–128.
- Цыбуля Н. Б. Области исследования невербальных средств общения. М.: Гнозис, 2020. 426 с.
- Чехов А. П. Степь // Полн. собр. соч. и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М., 1977. Т. 7. С. 13–104.
- Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.: Наука, 2003. 378 с.
- Шелгунова Л. М. Указания на речежестовое поведение персонажей как средство создания образа в русской повествовательной реалистической художественной прозе. Волгоград: Изд-во Волгоградского ГПИ, 1979. 80 с.
- Шмелев А. Д. Смех и улыбки в русской языковой картине мира // Логический анализ языка. Языковые механизмы комизма / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2007. С. 603–613.
- Эпштейн М. Парадоксальные речевые акты в литературе. Трансформативы и контраформативы // Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования : сб. ст. М.: Азбуковник, 2016. С. 113–123.

References

- Arutyunova N.D. (2010). A word about dialogue. *Logical analysis of language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures*. Moscow, Indrik, pp. 3-9. (In Russian).
- Chekhov A.P. (1977). Steppe. *Full collection of works and letters: in 30 vols. Works: in 18 vols*. Moscow, vol. 7, pp. 13-104. (In Russian).
- Cybulya N.B. (2020). *Fields of study into nonverbal communication*. Moscow, Gnosis, 426 p. (In Russian).
- Epstein M. (2016). Paradoxical speech acts in literature. Transformatives and counterformatives. *The language of fiction: traditional and modern research methods: collection of articles*. Moscow, Azbukovnik, pp. 113-123. (In Russian).
- Gorelov I.N. (2023). *Nonverbal components of communication*. Moscow, URSS, 112 p. (In Russian).
- Izotova N.V. (2006). *Dialogical communication in the language of works by A.P. Chekhov*. Rostov-on-Don, NCSS HS, 246 p. (In Russian).
- Khrolenko A.T. (2020). Paralanguage in fiction. *Russian speech*, no. 6, pp. 117-128. (In Russian).
- Kozhevnikova Kv. (1971). *Spontaneous oral speech in epic prose*. Praha: Karlov University, 165 p. (In Russian).
- Kreidlin G.E. (2010). Mechanisms of interaction between nonverbal and verbal units in dialogue. *Logical analysis of language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures*. Moscow, Indrik, pp. 173-183. (In Russian).
- Kreidlin G.E., Arkadyev P.M., Letuchy A.B. (2008). Comparative analysis of verbal and non-verbal sign codes. *Dynamic models. Word. Sentence*. Moscow, Languages of Slavic cultures, pp. 439-449. (In Russian).
- Krylov S.A., Mitrofanova O.A. (2008). A text about an imaginary world as an indirect source of information about the real world. *Logical analysis of language. Between lies and fantasy*. Moscow, Indrik, pp. 451-455. (In Russian).
- Kukueva G.V. (2019). Complex techniques of dialogism in the author's speech of stories and essays by V.M. Shukshin. *Scientific dialogue*, no. 2, pp. 92-104. (In Russian).
- Kuznetsov S.A., ed. (2004). *The Large Explanatory Dictionary of the Russian Language*. St. Petersburg, Norint, 1536 p. (In Russian).

- Labunskaya V. A. (1986). *Nonverbal behavior: a social-perceptual approach*. Rostov-on-Don, RSU, 136 p. (In Russian).
- Larionova M.Ch. (2017). The work by A.P. Chekhov "Steppe" in the aspect of traditional culture. *Ten steps along the "Steppe"*. Idyllwild, Charles Schlacks, Jr., pp. 74-91. (In Russian).
- Lyapon M.V. (2012). Redirection strategy. *Logical analysis of language. Addressing discourse*. Moscow, Indrik, pp. 303-315. (In Russian).
- Matveeva T.V. (2018). On the method of identifying valuable information in conversational dialogue. *Scientific dialogue*, no. 10, pp. 89-101. (In Russian).
- Mechkovskaya N.B. (2000). Metalinguistic verbs in historical perspective: figures of speech in the naive linguistic picture of the world. *Language about language: collection of articles*. Moscow, Languages of Slavic cultures, pp. 363-380. (In Russian).
- Milykh M.K. (1975). *Constructions with indirect speech in modern Russian*. Rostov-on-Don, RSU, 212 p. (In Russian).
- Milykh M.K. (1958). *The direct speech in fiction*. Rostov-on-Don, Rostov Books Publishing, 240 p. (In Russian).
- Mishin A.V. (2005). *Nonverbal means of communication and their reflection in a literary text: abstract of the thesis*. Moscow, 20 p. (In Russian).
- Piz A. (2007). *Body language: how to read the thoughts of others by their gestures*. Moscow, 267 p. (In Russian).
- Polishchuk G.G., Sirotina O.B. (1979). Spoken speech and fiction dialogue. *Linguistics and poetics*. Moscow, Science, pp. 188-199. (In Russian).
- Ryabtseva N.K. (2010). Metalanguage of speech communication. *Logical analysis of language. Mono-, dia-, polylogue in different languages and cultures*. Moscow, Indrik, pp. 374-389. (In Russian).
- Shelgunova L.M. (1979). *Indications on the verbal and gestural behavior of characters as a means of creating an image in Russian narrative realistic fiction*. Volgograd, Volgograd SPI, 80 p. (In Russian).
- Shmelev A.D. (2007). Laughter and smiles in the Russian language picture of the world. *Logical analysis of language. Linguistic mechanisms of comedy*. Moscow, Indrik, pp. 603-613. (In Russian).
- Shvedova N.Yu. (2003). *Essays on the syntax of Russian spoken speech*. Moscow, Science, 378 p. (In Russian).

Сведения об авторах

Изотова Наталья Валерьяновна – доктор филол. наук, профессор, профессор кафедры русского языка Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, nvizotova@sfedu.ru

Скрыпник Елизавета Романовна – преподаватель научно-образовательного центра «Перспективные решения в образовании», elskrypnik@sfedu.ru

Information about the Authors

Natalya V. Izotova – Ph.D. in Philology, Professor, Professor of the Department of Russian language of the Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, nvizotova@sfedu.ru

Elizaveta R. Skrypnik – lecturer at the Scientific and Educational Center "Prospective Solutions in Education", elskrypnik@sfedu.ru

Статья поступила в редакцию 18.12.2023; одобрена после рецензирования 18.01.2024; принята к публикации 18.01.2024.

The article was submitted 18.12.2023; approved after reviewing 18.01.2024; accepted for publication 18.01.2024.